

Б.В. Межуев. Считается, что русская мысль, русская философия, русская идея обращены к Европе, к Западу. Мне представляется, мы сможем несколько скорректировать такое восприятие. Потому что образ Востока,

и образ России как восточной страны, был предметом русской мысли, русской идеи. Передаю слово Василию Викторовичу Ванчугову, который много занимался темой Востока в русской мысли.

«Географические» предпочтения русской мысли в историко- философской ретроспекции

Систематизация знания предполагает создание произвольной «системы координат», когда в потоке явлений устанавливается координация, соответствующая целям и задачам познающего субъекта. Деление мира на части света (Запад, Юг, Север, Восток) – та же систематизация, способ ориентации в пространстве. Но наряду с географическим делением, графически заметным и масштабируемым, представимым на карте, свою систему координат имеет и умозрительный мир, представленный идеями, продуцируемыми обитателями различных сфер пространства. Этот умопостигаемый мир предстает перед нами совокупностью текстов, содержащих рассуждения о метафизических свойствах «сторон света». Остановимся сейчас только на тех концептах, которые представлены в корпусе «отечественной философской мысли».

Под *философской мыслью* соотечественников, составляющих наше творческое наследие, в данном контексте я буду понимать как 1) обобщенные рассуждения относительно *смысла происходящего*, спекуляции, домыслы, предположения, основанные на тех или иных интеллектуальных практиках, предлагаемых преимущественно метафизикой, имеющей статус академической дисциплины, так и 2) частные рекомендации, продиктованные «велением сердца или души» и основываемые на этических и эстетических ценностях и предпочтениях. А потому здесь всякий раз встречаются, – когда речь заходит о философствовании по поводу России и ее месте в мире, миссии, смысле истории и перспективах, – как представители академического направления (духовные и светские высшие школы), так и сообщество свободно мыслящих, находящихся вне академического сообщества, внеинституциональных, но все же оказывающих некоторое влияние на философскую повестку дня, на формирование интеллектуальной атмосферы.

Наряду с географическим делением свою систему координат имеет и умозрительный мир: идеальное – материальное, рациональное – иррациональное, реальное – воображаемое, и прочие бинарные оппозиции, устоявшиеся в философии. Но мне хотелось бы сейчас больше внимания уделить той системе координат, которая, как может показаться на первый взгляд, не имеет применения в умозрительной сфере. Я имею в виду столь привычное деление мира на части света (Запад, Юг, Север, Восток), только уже как способ ориентации не в пространстве, а в умопостигаемой сфере. Несмотря на всю странность переноса указаний компаса на сферу умопостигаемого, это все же не только можно, но и нужно проделать, чтобы структурировать тот материал, который мы находим «по краям», в виде как пространств суждений, так и различных вкра-

Ванчугов Василий Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора портала «Русская idea» и бюллетеня «Самопознание». E-mail: vanchugov@gmail.com

плений во множестве текстов. Сделать это необходимо хотя бы потому, что тем самым мы получаем возможность символического описания неких особенностей нашего сознания, «коллективного разума», занятого постижением цивилизационного своеобразия, а также вычлениением культурологических предпочтений.

Конечно же, в дискурсивном освоении территорий, частей Земли и сторон света, говоря другими словами, – придании смыслов пространству и его обитателям, важнейшую роль играли путешествия. Всякого рода травелоги являются важнейшей частью общего процесса формирования российского дискурса, отражая все многообразие его развития и определяя нашу «оптику» (рецепцию и интерпретацию). Основной особенностью травелогов является их способность не только связывать события и формировать пространство, определяя границы, но и задавать векторы движения мысли в историческом и политическом контекстах. Следует особо выделить то обстоятельство, что рассуждения «о свойствах сторон света» часто велись и теми, кто сам там не бывал. Часто подобного рода авторы всего лишь довольствовались данными из других источников, из рассказов путешественников, из литературы. И такой опосредованный способ получения информации редко когда являлся предосудительным, он весьма распространен, и примеры тому мы находим повсюду – в разные времена и в разных краях¹.

Вот, к примеру, Герцен, с недавних пор оставивший Россию и проживающий в Европе, в «Западных арабесках» (1856), рассказывает современникам, что есть люди, удовлетворяющиеся малым, с бедными потребностями, с узким взглядом и ограниченными желаниями, и такого же типа народы — «с небольшим горизонтом, с странным воззрением, удовлетворяющиеся бедно, ложно, а иногда даже пошло», и далее начинает судить о качествах китайцев и японцев, нашедших, как он уверен, наиболее соответствующую гражданскую форму для своего быта, в силу чего они «так неизменно одни и те же» [10, с. 319]². Или другой пример – в связи с бракосочетанием императора Тунчжи Достоевский, прежде побывавший лишь в Европе и совсем не с целями научными, а для лечения и получения новых впечатлений, обращает свой взор на Восток и в «Дневнике писателя» за 1873 год рассуждает, как в Китае «все предусмотрено и все рассчитано на тысячу лет», в то время как в России «все вверх дном на тысячу лет». Далее писатель заметил, что, пожалуй, мы тот же Китай, только без его порядка, и едва начинаем то, что в Китае уже заканчивается [11, с. 6–7]. Ну, а философ Н.А. Бердяев, находясь в Москве, рассуждает об Индии («Философия свободы», 1911), которая предстает ему «вечным источником идеализма», поскольку в религиозном и философском сознании Индии «можно найти не только Шопенгауэра, но и Риккерта, и весь трансцендентальный идеализм» [3, с. 87].

При всей спекулятивности подобного рода изысканий итоги таких суждений заслуживают пристального внимания как продукт интеллектуальной деятельности, дающий представление и о способах восприятия пространства, и о типах проекции своего и чужого сознания.

Начнем ретроспективный обзор с оси «Запад» – «Восток». До середины XIX века такие понятия, как «Восток» и «восточный вопрос», в русской общественной мысли ассоциировались с Ближним Востоком, Кавказом, Средней Азией, с преобладанием мусульманской компоненты, но позже начинается

¹ Например, немецкий социолог Макс Вебер, без знания китайского языка и поддержки со стороны синологов, находясь в Германии, взялся реконструировать структуру конфуцианского космоса. См. [14].

² Герцен считал, что в сравнении с деятельным Петербургом Москва погружена в летаргический сон, что придает москвичам «пекино-хунхунорский характер стоячести» («Москва и Петербург»).

фиксация и на других составных частях «Востока». Попробуем выявить те положительные и отрицательные характеристики, плюсы и минусы, которые обычно приписываются полюсам этой смысловой оси, проявляющей себя и в истории, и в геополитике. «Запад» же при всех религиозных модуляциях «Востока», от исламского до буддийского, воспринимался как его антитеза, преимущественно христианская ойкумена, не всегда дружественная для нас, но все же располагающая к себе как источник родственных ощущений и понятий.

На страницах работ наших авторов, оперирующих не только формулами, но и метафорами, перед нами предстает особого рода «Восток» и «Запад». В отечественной литературе имеются особый «Запад» и «Восток» как излюбленные *способы указания направления, направленности движения мира мысли, как способ указания правильности или неправильности мысли, приятности или неприемлемости, спасительности или гибельности состояния души*. Для иного «Запад» – правило, закон, рациональность, здравомыслие, ясность сознания, здоровое воззрение, а «Восток» – скудоумие, совокупность истощающих терпение исключений из правил... Другому все видится наоборот, ощущается иначе, «Восток» есть свод достойных правил жизни, источник света, а «Запад» – угасание цивилизации. Для третьих, настроенных на синтез, на движение своим особым, «срединным путем», и то и другое умонастроение (и «Запад», и «Восток») приводит к истине, приветствуя при этом либо движение от первого ко второму, либо наоборот.

«Запад» и «Восток» настолько закрепились в понятийном словаре философов, что стали чем-то самим собой разумеющимся. «Запад» и «Восток» воспринимаются как типы зрелости ума, своеобразные указатели движения к истине. И «Запад», и «Восток» давно обрели у нас статус фактически философских категорий. И, говоря о таких «Западе» и «Востоке», мы смотрим не на компас, а на тексты, заряженные смыслами, выраженными в особом категориальном строе.

Даже беглый обзор истории философии непременно выводит нас на полемику «западников» и «славянофилов», эволюционировавшую в противостояние между неозападничеством и неославянофильством, получившее продолжение в классическом евразийстве. Суть этого давнего спора – в каком направлении развиваться России, с какой стороны ожидать ей истинного света, к какому эталону приложить ее достижения, чтобы определить истинное предназначение и степень развития. Принимали в этом участие и метафизически ориентированные философы, и экзистенциально настроенные, и сторонники строгого знания, и политически ангажированные мыслители. Большинство при этом рассуждало о «Западе» и «Востоке», Европе и Азии как о неких частях света, насыщенных особыми смыслами, сохранившимися в преданиях и традициях, в повседневности и в особых практиках, таких как наука и искусство. Настолько насыщенных смыслами, что эти части света стали воплощенными сущностями, так что, рассуждая о них, мы обсуждаем формы истины и заблуждения, добра и зла.

Хотелось бы подчеркнуть, что в данной статье, констатирующей умонастроение соотечественников прошлого, основной эмпирический материал выведен за скобки. Здесь содержатся преимущественно лишь выводы, сделанные на основе фактов, констатация положения дел по прошествии двух столетий, но все еще сказывающихся и на нашем сознании, выступающих в виде убеждений. Так что с фактологией, лежащей в основе всех подобных суждений, уместнее познакомиться в другой работе, большей по объему и иной по жанру. Здесь же дается только сжатое, конспективное указание особенностей русской мысли.

«Восток» наших мыслителей обычно большой. Он у них и как совокупность стран, и как масса людей, обладающих схожими качествами, партикулярно представляющих некую общую субстанцию, отдельных представителей

«восточного элемента» умопостигаемого космоса. И что мы здесь обнаруживаем, что находим в нашем коллективном представлении, точнее, воображении? На «Востоке» много «странных» обычаев. Упоминание одного Китая чего стоит, а там еще столь же экзотичная Индия! И множество других стран, описание которых ведется в диапазоне страха и экзотики. Без того «Востока» не обойтись, так что даже убежденный европоцентрист Гегель осторожно зажег цивилизационный огонь с Востока, ведь именно там дух явил себя в историко-философском принципе: один свободен, остальные – нет¹. И наши мыслители разделяли подобный подход, как, к примеру, софиолог В.С. Соловьев, сочетавший восторженность и настороженность в отношении «Востока». Они высекали свои «искры», рассказывая о Востоке, выставляя в качестве образца то ту, то иную страну. Но какие бы объемные книги у нас ни писались, какие бы мысли ни высказывались в дискуссиях, облаченные в восточный «материал», суть всего сказанного и написанного была одна: Бог (Разум) все же проявляет себя не там, так что культура та бедна, хотя и бесспорно своеобразна.

В этом «Востоке», несмотря на его огромность, удивительность и таинственность, все же мало имен и текстов, которые принято считать, исходя из «западных стандартов», настоящими в философском отношении. Точнее, текстов и имен в изобилии, но большинство из них более экзотичны, чем академичны, в привычном нам значении. И отношение к ним – как к диковинкам, как к словесным петардам. Все любят запускать фейерверки, любоваться их светом, сиянием огней, но все же никто не спутает их с боевыми ракетами, несмотря на внешнее сходство: стремительный старт, огненный хвост, грохот, полет в небо. Это частое «как бы» применительно к «Востоку» – родовое свойство того «Востока», о котором говорят наши мыслители.

И вот, несмотря на огромность, удивительность и таинственность Востока, там мы все же обнаруживали мало имен и текстов, которые в иной части света – на Западе – принято считать настоящими. Так что при всем восторге предпочтением (и почтением) отмечены оказались лишь немногие: Конфуций, Лао-цзы, Чжуан-цзы... Еще десяток других можно при особом желании добавить, почитав специальное пособие востоковеда, вот и все... Далее – одна экзотика, которая уже ничего не добавляет к сказанному, не прибавляет знаний, не приближает к истине. Нет в ней точности, исключительно избыточность подачи материала. В силу этого Восток предстает нашему сознанию как своеобразное «облако». Оно огромно, но если сжать, конденсировать его, то полученная масса влаги внушает меньшее изумление и своим размеренным плесканием по-прежнему напоминает о малой плотности «восточной» субстанции. Так метафорически можно представить типичные установки сознания, конечно же, не всегда точно отражающего реальное положение дел, но достаточные для ориентации в умопостигаемом пространстве, для выбора необходимых для личной жизни идей.

На фоне «Востока» привычный нам «Запад» как бы мал. К тому же чаще всего в текстах отечественных мыслителей он сводился к Европе, а та, в свою очередь, ужималась до содружества нескольких стран, захватывающих культурную гегемонию (Греция, Италия, Германия, Франция, Англия... Для многих вся Европа умещалась порой на территории двух-трех стран). Зато какое здесь множество текстов и имен, высочайшая плотность смыслов! Одно перечисление имен занимает десятки страниц типичного трактата нашего мыслителя,

¹ Гегель, как, кстати, и Макс Вебер, дает такой же пример опосредованного представления китайской цивилизации, без прямого знакомства с Китаем, что мы обнаруживаем в его «Философии истории»: «...отличительной чертой [китайского народа] является то, что ему чуждо все духовное: свободная нравственность, моральность, чувство, глубокая религиозность и истинное искусство» [8, с. 178].

как только он начнет рассуждать на вечные темы, что есть воля, истина, красота: Платон – Аристотель – Пифагор – Гераклит – Эпикур – Демокрит – Дидро – Вольтер – Кант – Гегель – Фихте – Шеллинг – Ницше... И еще сотни и сотни идут у него и в основном тексте, и в примечаниях! И каждый из них для нашего соотечественника – пример, достойный или безусловного подражания, или тщательного изучения с последующим применением принципов на практике. И этот «Запад» для него – не «как бы», а воплощение подлинности бытия, аутентичность, сторона света, где максимальное скопление выдающихся умов. Это вам не «эхо», что мы получаем, попадая в сторону «Востока», а сам «голос», артикулированный и графически представленный Логос, Разум.

Так что если иметь в виду плотность смыслов, то «Восток» и «Запад» противостоят друг другу, говоря образно, как «облако» и «глыба льда», «туман» и «камень». Конечно же, у «Запада» и «Востока» общая субстанция (мудрость), но качественность – разная. А потому и отличное воздействие на окружающую действительность: одно мягко окутывает, другое упруго, требует усилий и порой словно бьет по голове, если взяться за дело неумело. В первом случае ты так и не знаешь, куда идти, во втором случае если и не хочешь – авторитеты убеждают, что нет иного пути, кроме того, что показан и доказан.

Обозрев типичные представления о «Западе» и «Востоке» в отечественной философской литературе, можно подметить безусловную онтологизацию в ней образов «Запада» и «Востока». В этой онтологизации проявили себя и наш *логицизм*, и наша *аффективность*. Где-то нам хочется соблюдать форму, а где-то все спасение видится в аморфности; то все надежды у нас на формальную логику, то упоение и счастье в приблизительности, принимающей порой черты социального нигилизма.

В то же время у наших авторов практически отсутствует «Север» и «Юг». Транспорт туда отправляется, но мысль в том направлении не движется! На Севере промозгло, сыро, снег, северное сияние и еще много чего, только там нет философии. И «Юг», его антипод, тоже не имеет философии! Так что «Север» и «Юг» для наших мыслителей существовали лишь на уровне бытовой антропологии, наивных представлений, а то и просто обывательских домыслов.

Соединение этих двух «минусов» расположения и существования, мнимостей бытия также создает воображаемую ось. «Север» и «Юг» в нашей интеллектуальной традиции тоже два полюса, только уже небытия! Два проявления того, что в жизни все же, безусловно, есть, присутствует в географии, но в философии не было, да и не должно быть. Философ ничего найти там не может, «Север» и «Юг» для него предполагаются лишь *под ногами*, но не над головой, не в умопостигаемом, где сияют «Запад» и «Восток».

На «Севере» и на «Юге», как им казалось, никто почти не думал, не размышлял в том формате, как для нас приемлемо. Хотя и найдутся чудачки, которые пофантазируют о «Севере» и «Юге», но это все «несерьезно». Между «Севером» и «Югом» протянулась тонкая нить, составленная из домыслов Блаватской, Гурджиева, Рериха и еще нескольких авантюристов духа, мнение которых забавляет, но ничего не дает для тех, кто ищет верные ориентиры. Так что «Север» и «Юг» существуют для нас как явления географические, но не метафизические. Мир философии тянется вдоль «Запада» и «Востока». «Юг» и «Север» существуют для наших мыслителей, пока речь идет о покупке билета на поезд или пароход, но они оставляют воображение, и перестают существовать, как только необходимо порассуждать о прошлом и настоящем философии.

Таким образом, если кто и задумается о том, что такое «Север» и «Юг», то вынужден будет довольствоваться лишь негативными определениями «Севера» и «Юга». То есть идти путем негации, отрицания, получая информацию, отталкиваясь от позитивного: Север – это не Запад, Юг – не Восток. А так как

«Запад» и «Восток» – бытие, то «Север» и «Юг» – всего лишь мнимость, едва достойная мимолетного упоминания в устах русского мыслителя. «Юг» присутствовал в философской литературе, но лишь как часть «Востока», а «Север» – как часть «Запада», как окраины и маргиналии, тем самым лишь подчеркивая значимость, фундаментальность «Запада» и «Востока».

Хотя образ Китая в России формировался на протяжении длительного времени, все еще едва ли можно сказать, что он близок к реальности. Много предубеждений, представлений, доставшихся нам из прошлого. Их формирование можно уподобить кругам на воде. Камень упал в воду, скрылся с поверхности, на ней расходятся волны, достигая берега, а тот, кто, спустя время, оказался на берегу и наблюдает волны, может и не догадываться об истинных причинах волнения глади.

Повод к рассуждениям на тему Востока в контексте локализации его в той или иной стране дают различные события – от военного столкновения до мирного путешествия. Вот классический пример последнего: китаевед, начальник 9-й Российской Духовной миссии в Китае архимандрит Иакинф (Никита Яковлевич Бичурин), в январе 1822 года вернувшийся в Петербург. Он привез множество книг для Публичной библиотеки в Петербурге и училища азиатских языков в Иркутске, собирался опубликовать материалы по истории Китая, чтобы познакомить соотечественников с прошлым и настоящим великого соседа и сопредельных с ним стран. Им был подготовлен капитальный труд «Статистическое описание Китайской империи» (1842), ставший одним из главных пособий для синологов. Для различных журналов («Северный архив», «Москвитянин», «Сын отечества», «Отечественные записки», «Журнал Министерства народного просвещения», «Русский вестник», «Телескоп») он составил множество статей, не оставшихся без внимания широкой публики¹. Владыка Иакинф встречался с князем В.Ф. Одоевским, и как итог – работая над утопией «4338-й год», тот выбирает формат изложения в виде посланий китайского студента², путешествующего по России. При этом Одоевский исходит из предположения, что в будущем историки примут за основу деление от Рождества Христова и до управления миром великим империями – Китаем и Россией.

В последующем русские писатели, философы, политические деятели все чаще обращаются к китайской тематике, отчего образ этой страны становится еще более сотканым из противоречий. Как это происходит на деле, видно на примере полемики С.М. Георгиевского с Н.М. Пржевальским. В то время как Пржевальский, путешественник и исследователь Азии, причислил китайцев к «полудиким народам» и о Китае отозвался как о «стране, которая окаменела в своих преданиях» и «чужда всякому прогрессу» [17], Георгиевский, профессор Санкт-Петербургского университета, считал Китай одним из наиболее цивилизованных государств в мире, а китайский народ – одним из самых просвещенных [9]. Эта дихотомия «азиатский вариант отсталости – восточный тип про-

¹ Так, особое внимание В.Г. Белинского привлек государственный строй, в интерпретации о. Иакинфа [13, с. 220], «монархически самодержавный и вместе с тем ограниченный законом» [1, с. 220]. Белинский увидел здесь приукрашивание китайской действительности, стремление показать в идеальном виде «более Китай официальный, в мундире и с церемониями», представить Китай так, словно «в нем ничего нет оставленного на произвол судьбы и людей, все отношения определены, все юридические случайности предупреждены и обсуждены, на все существуют положительные законы; машина администрации самая многочисленная и, вместе с тем, строго систематическая; законы нередко отзываются человеколюбием и, по-видимому, представляют верные гарантии жизни, чести, благосостояния честных людей всех званий, от высших до низших» [1, с. 155–157].

² От Ипполита Цунглева, студента Главной Пекинской школы, к Лингину, студенту той же школы. Константинополь, 27-го декабря 4337-го года.

свещенности» обусловит и дальнейшие рассуждения наших интеллектуалов о своем территориальном соседе, о метафизической сущности той стороны света, которую он представляет.

Порой один компонент дихотомии, то комплиментарный, то негативный, выходил на первый план, определяя всю оптику восприятия. После периода экзальтации и умиления в России увеличивалось число тех, кто усматривал в Китае угрозу как России в частности, так и христианской цивилизации в целом. Например, А.Н. Куропаткин, занимавший пост военного министра, утверждал, что в XX веке народы, представляющие «желтую» расу, должны перейти в наступление на позиции европейских держав; Китай – неизбежный противник России в грядущем столкновении христианского мира и «язычников».

Тема «желтой расы» и «желтолицего племени» обыгрывается во многих аспектах, превращаясь в символ грядущих невзгод, и самый цвет становится синонимом опасности – «китайщины». В деле борьбы с «желтой опасностью», грозящей Европе, особая роль отводится России, располагающейся между этими частями света. Свои воззрения на Китай и его место в судьбе человечества высказал и В.С. Соловьев, в котором антропософ Рудольф Штейнер в исторической ретроспективе увидел «посредника между Западом и Востоком»¹. Князь С.Н. Трубецкой сообщал, что перед смертью Соловьев рассуждал об «убожестве европейской дипломатии», оказавшейся неспособной осознать великую опасность Китая и решить «китайскую проблему» колониальным разделом империи. Соловьев негодовал, что в России находятся люди, мечтающие «о союзе с Китаем против англичан, а в Англии – о союзе с японцами против нас» [26, с. 294]. К последним можно было отнести князя Э.Э. Ухтомского, бывшего в дружеских отношениях с Соловьевым.

Но несмотря на эти отношения, в увлечении Ухтомского Китаем Соловьев находил некоторую чрезмерность, так что даже в короткой заметке в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона не смог сдержать иронии, отметив, что во время последних событий на Дальнем Востоке князь Ухтомский, всегда склонный идеализировать азиатский быт и потому переносить центр нашей исторической жизни в Азию, выступил в печати с идеей союза между Россией и Китаем, весьма своеобразной.

Соловьев в работе «Китай и Европа» (1890), выявляя «идеалы китайца», определил, что они всецело принадлежат прошедшему, так что китаец смотрит назад, а не вперед, а потому, подобно Конфуцию, даже затеявая реформы, смотрит на них лишь как на возможность устранения «пагубных нововведений, как полнейшее возвращение к старине». Но этот консерватизм, пристрастие к традиции послужило отправной точкой для развития умозрительной мысли китайца, «совершенно китайской по своему существенному характеру, но вместе с тем представляющей такое самоуглубление национального духа, при котором окончательно теряются всякие практические мотивы жизни и все человеческие отношения сливаются в первобытном безразличии. Китаизм, как и всякое огра-

¹ «Владимир Соловьев – посредник между Западом и Востоком». Статья в еженедельнике «Гетеанум» от 1 января 1922 г. ПСС, т. 36 [30, с. 204]. «Москва и Петербург. Из лекции в Оксфорде 26 августа 1922 г. ПСС, т. 35. «Обычно не понимают, что это два разных мира, Петербург – Европа, а Москва – Россия, где еще глубоко действует восточная теократия во всей ее чистоте. Поэтому когда Соловьев развивал свою философию, она, естественно, не получилась такой, как диалектически-естественнонаучная философия Герберта Спенсера, а сделалась теософской. А Соловьев – это Москва, Соловьев – не Петербург. Я не имею в виду, что все вещи в России можно подразделить только так, географически. Достоевский, как бы он ни был прикован к Москве, как бы далеко он не заходил на восток, Достоевский – это Петербург. И все, что переживается в России, протекает между Петербургом и Москвой. Москва – Азия, если смотреть на нее с точки зрения теократии; Петербург – Европа» [30, с. 195].

ниченное начало, если ему придать абсолютное значение, приводит к нелепости и само себя разрушает. Это доведение до абсурда совершилось для китайского принципа в доктрине величайшего и, может быть, единственного умозрительного философа желтой расы – Лао-цзы. Как умозрительный философ Лао-цзы ищет абсолютного начала; как истый китаец он ищет его исключительно в прошедшем, он ищет, следовательно, безусловного прошедшего, такого, которое предшествует всему существующему» [20]¹.

Примечательно, что в том году Соловьев еще не усматривал со стороны «желтой расы» угрозы христианскому миру, воспринимая Китай всего лишь как апофеоз цивилизационной «неподвижности». Так, например, в работе «Великий спор и христианская политика» (1883) он отмечал, что чистейший образец восточной культуры представляет нам «замкнутый и неподвижный» Китай, и поэтому его культура и не входит в общую историю человечества, которая всегда есть «сложение» [19, с. 76]. Зато К.Н. Леонтьев в 1891 году уже писал о том, что китайцы «назначены завоевать Россию, когда смешение наше (с европейцами и т.п.) дойдет до высшей своей точки».

Но уже после 1894 года (стихотворение «Панмонголизм») и особенно в конце жизни (сочинения «Три разговора» и «По поводу последних событий») Соловьев жил ощущением мировой катастрофы, надвигающейся на Запад, но не из «Востока Ксеркса иль Христа», а из «желтого» Востока, со стороны империи восходящего солнца, из Поднебесной. В своих «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899), описывая конец мира, при изображении апокалиптической картины он не жалеет «желтых» красок. Так, один из участников диалога, «Политик», отмечает, что «все эти господа, перорирующие против Европы и нашего европеизма, никак не могут удержаться на точке зрения нашей греко-славянской самобытности, а сейчас же с головой уходят в исповедание и проповедания какого-то китаизма, буддизма, тибетизма и всякой индийско-монгольской азиатчины» [21, с. 695]. Далее все эти «измы» конкретизируются Соловьевым в одно понятие: «панмонголизм», которое как умственное движение возникает в Японии. Подражательные японцы, прежде перенявшие вещественные формы европейской культуры, усвоили также и некоторые европейские идеи и, узнав о существовании на Западе панэллинизма, пангерманизма, панславизма, панисламизма, они провозгласили идею панмонголизма, то есть собрание воедино, под своим главенством, всех народов Восточной Азии в целях решительной борьбы против чужеземцев, то есть европейцев.

С чтением «Краткой повести об Антихристе» Соловьев выступил даже в зале городской думы (26 февраля 1900 года), а в последние часы жизни на смертном одре его также посетили видения, связанные с Востоком. Очарованный им поэт А. Блок, подхватив тему «желтой опасности», обратил ее в пользу России, перенаправив угрозу исключительно Европе («Скифы»). Говоря о «желтой опасности», отметив тему (и культурную контрсилу) арийства, он указывает на изданную у нас книгу английского мыслителя Х.С. Чемберлена «Арийское мирозерцание» [29]. В качестве противовеса деградирующей Европе («этого Европа не осмыслит, ибо это просто, а в ее запутанных мозгах – темно») Блок выставляет «желтую расу»: «Но, презирая нас более чем когда-либо, они смертельно нас боятся, я думаю; потому что мы, если уж на то пошло, с легкостью пропустили сквозь себя желтых и затопили ими не один Реймский собор, но и все остальные их святые магазины. Мы ведь плотина, в плотине – шлюз, и никому отныне не заказано приоткрыть этот шлюз “в сознании своей революционной силы”» [5, с. 487]².

¹ См. также [24] и другие книги того же автора: [23, 25].

² В 1918 году Блок писал в дневнике: «Если вы, хоть “демократическим миром” не смаете позор вашего военного патриотизма, если нашу революцию погубите, значит, вы уже не арийцы больше. И мы широко откроем ворота на Восток. Мы на вас смотрели

Осмысление геополитических последствий от актуализации «желтой» силы привело Н.А. Бердяева к предположению, что в результате мировой войны победить может «лишь “крайний Восток”, – Япония и Китай, раса, не истощившая себя, и “крайний Запад”, – Америка. После ослабления и разложения Европы и России воцарится “китаизм” и “американизм”», две силы, которые могут найти точки сближения, и тогда-то осуществится «китайско-американское царство равенства, в котором невозможны уже будут никакие восхождения и подъемы» [2, с. 223].

Япония, как и Китай, представлялась нашими мыслителями как «желтая раса», то поражающая воображение, то угрожающая реальным военным вторжением. Тем же Соловьевым тема Японии была затронута в разных аспектах – от культурологического, до метафизического: был у него и очерк «Япония (Историческая характеристика)» [22, с. 153–173], и диалогический трактат «Три разговора» (1900), где описывалось «возникшее еще в конце XIX века в Японии умственное движение панмонголизма».

Апокалиптические предчувствия Соловьева, окрашенные в «желтые тона», подхватили многие российские мыслители. Тем не менее нашлись среди них и такие, кто относился к его суждениям иронически, например В.В. Вересаев, призванный на военную службу и вернувшийся с японской войны в начале 1906 года. В рассказе «Под кедром» устами одного из персонажей (участника русско-японской войны) он обвинил «русского длиннокудрого философа» (В.С. Соловьева) в воспевании «всеевропейского позера с торчащими кверху усами» (германского императора Вильгельма), а затем привел разумные утверждения, которые должны были заставить задуматься приверженцев идеи о неизбежности «желтой опасности» [7, с. 427–428]. А в его «Записках врача» встречается и такой характерный диалог: «Я верю, что со временем Европа получит от Востока жестокое возмездие, – продолжал главный врач... Деликатный Шанцер не выдержал и заговорил о желтой опасности, об известной картине германского императора» [6].

Географически Россия – близкая к Японии страна, но культурно – вероятно удаленная. В нашем коллективном восприятии можно найти и восторженность, и осторожность, и состояние, близкое к ужасу, так что революция 1905 года воспринимается А. Белым (в романе «Петербург») как нашествие желтых азиатских полчищ, тамерлановых орд, готовых потопить в океанах крови Россию, Запад, культуру. «Желтая душа темнее для нас всякой чужой души», – предостерегал С.Н. Трубецкой [27, с. 48]. Тьма усиливается и вскоре доводит многих до ужаса, и вот уже Трубецкому вторит В.В. Розанов: «Они идут с торговой конторой, каких чрезвычайно много и в Японии; и японцы, такие же плоские прозаики, такие же желтые “янки”, тоже реалисты и техники до мозга костей – крепкожимают им руки как в сущности совершенно однородной цивилизации, как культуре совершенно в их уровень. Да, американцы даже и на один вершок не превосходят японцев (кроме обширности территории и населения): одни представляют собою последнюю минерализацию духа, его окостенение, “выветривание”, как говорят геологи о горных породах; другие представляют какую-то изначальную “желтую глину”, в которой “дух Божий на небе”. Превосходство обеих наций (особенно японской) над нами в техническом отношении есть только следствие этой специализации. Они смотрят расширенным глазом, щупают утонченным осязанием; – ну, именно потому, что они

глазами арийцев, пока у вас было лицо. А на морду вашу мы взглянем нашим косящим, лукавым, быстрым взглядом; мы скинемся азиатами, и на вас прольется Восток. Ваши шкуры пойдут на китайские тамбурины. Опозоривший себя, так изолгавшийся, – уже не ариец. Мы – варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары. И наш жестокий ответ, страшный ответ – будет единственно достойным человека» [4, с. 317].

только смотрят и щупают, не задумываясь, не воображая. Оба народа без воображения, без творческой фантазии, без страшного чувства ответственности, – как показали американцы в войне с Испанией, и японцы – в кровавой, разбойнической расправе все же с родственным и единоверным Китаем. Они умеют больно кусаться, эти крысы и мыши; они могут поесть наши хлебные запасы; разорить нашу бедность, кое-как сколоченную, скажем так. Но во всемирном смысле жизнь их была и останется отрицательною, без творчества, без идеала, без духа. Наступившая война – это разорительная, разрушительная война в отношении к идеалу, к человечности» [18, с. 166].

Русско-японская война 1904–1905 годов, наше поражение в ней, победа «цветного народа» над «белым» христианским – всё это воспринималась многими как предвестие грядущих катастроф. Среди тех, кто подогревал страсти в Европе относительно «желтой опасности», был и кайзер Германии Вильгельм II (1888–1918). После победы Японии над Китаем в 1895 году с его подачи появилась карикатура, представляющая «силы Европы, символизируемые ее гениями, призванными архангелом Михаилом соединиться, чтобы противостоять буддизму, язычеству и варварству ради защиты Креста». На Россию кайзером возлагалась миссия защитить Европу от наступления «желтой расы». В России эти ожидания и страхи перед Азией выражали и публицисты с философами, и политики с военными, вплоть до военного министра А.Н. Куропаткина (1848–1925). Однако в качестве решения проблемы он предлагал не экспансию, а политику сдерживания. Он понимал невозможность России справиться с азиатской массой. Куропаткин воспользовался термином «желтая опасность» только несколько лет спустя после того, как сложил с себя полномочия военного министра, в работе «Россия для русских. Задачи русской армии» (1910). Вплоть до 1905 года он довольствовался выражениями типа «желтый наплыв» или «цунами». «Страшно представить, чем станет Россия, раны, которые будут ей нанесены, потоки крови, которые потекут, огромные суммы, которые будут растрчены, если мы примем еще 400 миллионов китайцев или 300 миллионов индусов». В меморандуме о защите империи, поданном царю в 1900 году, отмечается, что за два века численность населения России выросла с 12 до 132 миллионов; и когда мы достигли своих «естественных» границ, следует укреплять страну изнутри, а не вынашивать захватнических планов. Не забывая, впрочем, прежних планов в отношении Константинополя, следует воспротивиться идее оккупации Маньчжурии, наступлению на Индию в союзе с Великобританией.

Будучи главнокомандующим русской армии в Маньчжурии, Куропаткин проявил себя в войне с Японией не самым лучшим образом. Большего ему удалось сделать в теоретическом труде «Русская армия», написанном в 1910 году [15], где его рассуждения о сущности наших восточных соседей сгруппированы под рубрикой «Желтая опасность». Война с Японией показала безлюдность наших территорий вблизи Китая и Японии. В свете «желтой опасности» осознается важность заселения Сибири крестьянами. Население срочно необходимо увеличить, чтобы не допустить наполнения его – после задуманного строительства железной дороги до Амура – чужаками. По мнению некоторых публицистов правого толка, Россия забыла усилия казаков, которые сражались за господство на Дальнем Востоке, что позволило «маленькому варварскому государству» [16, с. 5], такому как Япония, одержать верх над империей. Всё чаще звучали призывы направиться в сторону Сибири и образовать «сибирское царство». В тех, кто добровольно выражал желание уехать на защиту рубежей, зачастую видели достойных последователей казачьих завоеваний Ермака, сознающих важность своего поступка для выживания отечества перед лицом нового «монгольского наплыва» [28, с. 22, 11]. В итоге, как это ни парадоксально, возникает идея создания *Желтороссии*, или «желтой России».

В завершение своего краткого экскурса в прошлое хочу отметить, что я предпринял попытку выявления из текстов свойств пространства, точнее той умозрительной сферы, в которой разворачивается интеллектуальная деятельность. И потому «Восток» и «Запад» в философии в какой-то мере фикция. Но если мыслящие люди пользуются какой-то фикцией, сборкой из элементов воображения, то всё же они рассчитывают достичь положительного эффекта, прилагая усилия по освоению пространства, исходя из его метафизических свойств. Географические предпочтения русской философской мысли подчеркивают лишь особенности нашего умонастроения, а не превосходство одной культуры, ментальной ориентации над другой, показывая при этом также и аффективную природу нашего разума, предпочитающего рациональность.

И хотя ретроспекция – обращение к прошлому, обзор *прошедших* событий, все же географические предпочтения нашей мысли обнаруживаются не только в историко-философском прошлом, но и настоящем. И проекция бытия в ближайшем будущем может быть самой разной. Мы либо переосмыслим такие ментальные явления, как «Восток» и «Запад», либо придумаем свой «Север» и «Юг». И то, и другое еще окажет влияние на умонастроение политиков.

Участь России зависит от ориентации на ту или иную часть света. Это хорошо понимали наши мыслители, далекие от «центров силы» своего времени, но полезные для геополитики своим чутьем. Так, Достоевский в российском продвижении в Азию видел громадный политический смысл. В «Дневнике писателя» за 1881 год он писал, что нельзя забывать о том, что «русский не только европеец, но и азиат», обвинял общественность в том, что она до сих пор считает, что «Россия до Урала, а дальше мы ничего знать не хотим», не желает интересоваться азиатскими делами, не сознает значения азиатского направления политики, обвиняя правительство в непроизводительных затратах. Она готова отдать Сибирь «на откуп жидам, американцам, англичанам», «продать по частям на сруб – уступить Китаю, напустить американцев», только бы «избавиться от этого хлама» [12, с. 73, 78–79]. С движением в Азию Достоевский связывал возрождение России, подъем ее «духа и сил». «В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы», – возражал писатель своим оппонентам. «Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того, – одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия». Именно здесь, по его замыслу, создастся «Россия новая, которая и старую бы возродила и воскресила со временем и ей же пути ее разъяснила». Там наши богатства, там «у нас океан», там наше спасение от надвигающегося с Запада коммунизма [11, с. 73, 36–38].

Контур пространства, запечатлеваемые на картах, меняются в зависимости от политической и религиозной точек зрения. Последняя формирует сакральную географию. Так, принятие христианства не только определяет контуры нашей сакральной географии, но и объясняет последующие метаморфозы политической карты. Каждая из мировых религий дает свое представление о земном пространстве, опираясь на почитание священного, соотнося те или иные объекты на культурном ландшафте с категориями священного, а возникающие со временем «святы места» и есть основные элементы «осмысленной географии».

Было время, когда у нас много и страстно писали о «китайской опасности», что дало повод В.Л. Цымбурскому заметить, что это делается с «излишней, но симптоматической истерией». Теперь Китай пытаются представить другом, а вот Европа для многих уже «плохая дама», «дряхлая старушка», о скорой смерти которой так много вещали еще в позапрошлом веке, да так и не дождалась

ее агонии. В свою очередь и Европа повела себя так, чтобы оттолкнуть нас от себя, но сделала это не по собственной инициативе, а оказавшись между двух огней, между молотом и наковальней, под действием двух сил, между Штатами и Россией. Американцы изрядно постарались, чтобы «выдавить» нас из Европы. Поэтому, поворачиваясь к Азии, Востоку, следует помнить, что и здесь возрастание нашей мощи по прошествии времени неизбежно вызовет сопротивление. Так что прав Цымбурский, и, вторя ему, можно посоветовать политикам – лучше все же более не увлекаться «похищениями» Европы, равно как и Азии, а остаться «островом», «Россией в Евразии».

Литература

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Пг., 1917. Т. XI.
2. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. М., 1997.
3. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
4. *Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7.
5. *Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8.
6. *Вересаев В.В.* Записки врача. На японской войне. М.: Правда, 1986.
7. *Вересаев В.В.* Собр. соч.: в 5 т. М., 1961. Т. 2.
8. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000.
9. *Георгиевский С.М.* Два исследователя Китайской империи. По поводу статьи г. Пржевальского «Современное положение Центральной Азии» и книги Ж. Симона «Срединное Царство» // Вестник Европы. 1887. № 8. С. 777–806.
10. *Герцен А.И.* Сочинения: в 2 т. М., 1986. Т. 2.
11. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1980. Т. 21.
12. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1984. Т. 27.
13. *Иакинф (Бичурин Н.Я.), архим.* Статистическое описание Китайской империи. СПб., 1842.
14. *Кильдюшов О.* Китай в оптике исторической макросоциологии Макса Вебера // Самопознание: Информационный бюллетень форума «Бердяевские чтения». 2015. № 4. С. 16–19.
15. *Куропаткин А.* Русская армия. СПб., 2003.
16. *Панов А.А.* Грядущее монгольское иго. СПб., 1906.
17. *Пржевальский Н.М.* Современное положение Центральной Азии // Русский вестник. 1886. № 12. С. 473–524.
18. *Розанов В.В.* О писательстве и писателях. М., 1995.
19. *Соловьев В.С.* Великий спор и христианская политика // *Соловьев В.С.* Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 1: Философская публицистика.
20. *Соловьев В.С.* Китай и Европа // *Соловьев В.С.* Собр. соч.: в 10 т. 2-е изд. СПб., 1911–1914. Т. 6.
21. *Соловьев В.С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // *Соловьев В.С.* Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 2.
22. *Соловьев В.С.* Япония (Историческая характеристика) // *Соловьев В.С.* Собр. соч.: в 10 т. 2-е изд. СПб., 1911–1914. Т. 6.
23. *Столповская А.* Выдающиеся стороны национальной жизни и национального характера китайцев. М., 1903.
24. *Столповская А.* Очерк истории китайского народа. С приложением рецензии на статью г-на В.С. Соловьева «Китай и Европа». М., 1891.
25. *Столповская А.* Сношения китайцев с иностранцами и их последствия в Китае. С приложением статьи «Восстание боксеров». М., 1903.
26. *Трубецкой С.Н.* Смерть В.С. Соловьева 31 июля 1900 г. // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991.
27. *Трубецкой С.Н.* Собр. соч. М., 1907. Т. 1: Публицистические статьи.
28. *Ухтыбижский П.* Русский народ в Азии. СПб., 1913.
29. *Чемберлен Х.С.* Арийское мирозерцание. М.: Мусагет, 1913.
30. *Штейнер Р.* О России: Из лекций разных лет. СПб., 1997. С. 204. [Штейнер. Так на обложке. – Примеч. ред.]

Аннотация. На воображаемой карте российской философии имеются особые «Запад» и «Восток» как приоритетные направления движения мысли, способ указания правильности или отклонений исторического развития. Автор предпринял попытку выявления сообщества интеллектуалов, рассуждавших о свойствах цивилизационного пространства и предлагавших воспринимать стороны света не как метафоры, а как строгие формы репрезентаций умопостигаемой сферы. Выявленные географические предпочтения русской философской мысли подчеркивают тем самым особенности нашего умонастроения, которые обнаруживаются не только в прошлом, но и настоящем, при том что некоторые моменты восприятия окружающего мира объединяют философов и политиков.

Ключевые слова: Компаративистика, страноведение, география, геополитика, культура, историософия, культурология, психология, стереотипы, мифология, идеология.

Vasily Vanchugov, Ph.D. in Philosophy; Professor, Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Deputy Editor-in-Chief, Site politconservatism.ru. E-mail: vanchugov@gmail.com

“Geographic” Preferences of Russian Thinkers in the History of Philosophy

Abstract. The Russian philosophical map has two special notions, “West” and “East”, which serve to demonstrate the priorities in philosophical thinking and to point to the correctness or deviations of historical development. The author has tried to identify the intellectuals who focused on the properties of civilization and suggested considering cardinal directions not as a metaphor but as fixed ways of representing the intelligible and the comprehensible. The identified geographical preferences of Russian philosophers emphasize the peculiarities of our mentality, which can be found in the present as well as in the past but, despite the fact that philosophers and politicians perceive certain aspects identically.

Keywords: comparative studies, regional geography, geography, geopolitics, culture, historical philosophy, cultural studies, psychology, stereotypes, mythology, ideology.

